

На правах рукописи

Титова Ольга Владимировна

**ЛЕКСИКА КОННОГО ТРАНСПОРТА
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

Специальность 10.02.02 – языки народов Российской Федерации (финно-угорские и самодийские языки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Ижевск – 2011

Работа выполнена на кафедре общего и финно-угорского языкознания
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Кельмаков Валей Кельмакович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Цыпанов Евгений Александрович

кандидат филологических наук, доцент
Сергеев Олег Арсентьевич

Ведущее учреждение: ГОУ ВПО «Сыктывкарский
государственный университет»

Защита состоится «29» июня 2011 года в 10.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.275.06 при ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» по адресу: 426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Удмуртского государственного университета, с авторефератом – на официальном сайте ГОУ ВПО «УдГУ» <http://v4.udsu.ru/science/abstract>.

Автореферат разослан «___» мая 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ДМ 212.275.06
кандидат филологических наук

Н. В. Кондратьева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Лексика конного транспорта как отдельная тематическая группа в удмуртском языкознании до настоящего времени не подвергалась комплексному исследованию. Наименования данной отрасли составляют значительный пласт бытовой лексики удмуртского языка, который отличается древностью и богатством, многообразием и самобытностью составляющих его лексических единиц. Исследование указанной тематической группы дает много интересной информации как для лингвистов, так и для историков и этнографов. Анализ позволяет ознакомиться с материальной культурой удмуртского народа, его настоящим и историческим прошлым, способствует выявлению хозяйственно-культурных связей удмуртов с другими этносами. Поэтому всестороннее изучение лексики конного транспорта представляет определенный интерес.

Развитие научно-технического прогресса вызывает неизбежные изменения традиционного уклада жизни народов, что ведет к исчезновению целых тематических групп лексики. Необходимость изучения лексического пласта, служащего для номинации конного транспорта, вызвана тем, что эта часть лексики постепенно переходит в пассивное употребление: вместе с реалиями исчезают и их названия. В настоящее время данная категория слов в речи людей среднего и более молодого возраста употребляется весьма ограниченно или вовсе не употребляется. В связи с этим своевременный сбор и фиксация всех диалектных вариантов лексических единиц указанной отрасли, их систематизация в рамках лексико-семантических групп, историко-этимологический и словообразовательный анализ приобретают особо актуальное значение.

Объектом настоящего диссертационного исследования является лексика конного транспорта в удмуртском языке.

В качестве **предмета исследования** рассматриваются лексико-семантические, историко-этимологические и структурно-словообразовательные особенности лексики указанной отрасли.

Целью исследования является синхронное и диахроническое описание лексики конного транспорта в удмуртском языке.

Реализация данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) сбор, систематизация и объединение лексики конного транспорта в изучаемом языке в лексико-семантические группы и подгруппы;

2) определение ареалов распространения лексем;

3) установление историко-генетических пластов лексики исследуемой отрасли;

4) выявление наиболее продуктивных структурных моделей и способов словообразования лексики конного транспорта в удмуртском языке.

В соответствии с поставленной целью и задачами в диссертации использовались следующие **методы** лингвистического анализа: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, структурный, элементы количественного анализа.

Источниками исследования послужили данные словарей удмуртского языка, составленных отечественными и зарубежными исследователями в разные хронологические периоды (XVIII–XXI вв.); полевые материалы, собранные автором во время экспедиций в Алнашский, Глазовский, Дебесский, Киясовский, Селтинский, Увинский районы Удмуртской Республики в 2004–2009 гг. непосредственно от носителей исследуемых диалектов, в основном от людей старшего возраста (обследованием было охвачено 23 населенных пункта); диалектные данные из работ исследователей удмуртского языка, в частности, Т. И. Тепляшиной по бесермянскому наречию [1970], Р. Ш. Насибуллина по красноуфимскому диалекту периферийно-южного наречия [1978], М. Г. Атаманова по говору д. Старая Игра Граховского р-на [2005]; материалы из специальных работ по транспортным средствам удмуртов, в частности, С. Х. Лебедевой [1991]. Приведенный в диссертации словарный материал сохраняет принцип орфографии и особенности транскрипции, свойственные оригиналу. Диалектный материал, собранный нами в полевых условиях, дается в фонематической (с элементами фонетической) транскрипции. Общее число собранных и проанализированных наименований составляет 591 лексическая единица.

Теоретическую и методологическую основу данного исследования составили труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные рассмотрению проблем лексикологии, лексикографии, диалектологии и морфологии финно-угорских языков: И. В. Тараканова, Э. Сий, А.-Р. Хаузенберг, А. Н. Ракина, С. В. Онинной, И. И. Тимиряевой, В. К. Кельмакова, К. Е. Майтинской, Ю. В. Андуганова и др.; а также работы исследователей, касающиеся вопросов этимологии

анализируемой лексики: В. И. Алатырева, Г. Березки, Ю. Вихманна, В. И. Лыткина и Е. С. Гуляева, А. К. Матвеева, Р. Ш. Насибуллина, К. Редеи, М. Рясенена, П. Саммаллахти, И. В. Тараканова, М. Р. Федотова, Ш. Чуча и др.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в истории удмуртского языкознания проводится комплексное исследование лексики конного транспорта в синхронном и диахроническом аспектах, в частности, предпринимается попытка лексико-семантической классификации, выявляются историко-генетические пласты с привлечением данных родственных и неродственных языков, устанавливаются структурные особенности и способы словообразования. В диссертации вводится в научный оборот новый диалектный материал (свыше 250 названий).

Практическая значимость работы. Данное исследование вносит определенный вклад в разработку проблем лексикологии и лексикографии удмуртского языка, в частности, собранный богатый фактический материал может использоваться при составлении толковых, переводных, диалектологических и отраслевых словарей удмуртского языка. Результаты работы найдут практическое применение в учебном процессе в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях Удмуртской Республики в преподавании курса лексикологии удмуртского языка. Материалы настоящего диссертационного исследования могут представлять определенный интерес для исследователей материальной культуры удмуртского и других финно-угорских народов, для писателей при описании быта удмуртов. Данная работа окажет помощь при научной обработке музейных фондов, каталогов и оформлении экспозиций музеев.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Основная часть лексики конного транспорта является общей для всех удмуртских диалектов и литературного языка. Кроме того, названия данной тематической группы имеют многочисленные диалектные варианты. Для отдельных наименований указанной отрасли характерна многозначность.

2. Исконно удмуртская лексика анализируемой отрасли представлена лексическими единицами финно-пермского, пермского, собственно удмуртского происхождения.

3. В развитии лексики конного транспорта прослеживается влияние индоиранских, тюркских (булгарского, татарского) и русского языков.

4. Упряжное коневодство формировалось уже в финно-пермский период под влиянием контактов с индоиранскими племенами.

5. Самым продуктивным способом словообразования лексики исследуемой отрасли является лексико-синтаксический способ; морфологический и лексико-семантический способы употребляются реже; морфолого-синтаксический способ наименее характерен.

6. С точки зрения структурных особенностей лексика конного транспорта в удмуртском языке представлена простыми и сложными лексическими единицами. Наиболее часто встречаются двухкомпонентные сложные названия.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были апробированы на международных конгрессах: X Международном конгрессе финно-угроведов (Йошкар-Ола, 2005), XI Международном конгрессе финно-угроведов (Пилицхаба, 2010); на межрегиональных, всероссийских и международных конференциях и симпозиумах: I Межрегиональной конференции «Русский Север и восточные финно-угры: проблемы пространственно-временного фольклорного диалога» (Ижевск, 2005), III Всероссийской научной конференции финно-угроведов «История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов» (Сыктывкар, 2004), I Всероссийской молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (Сыктывкар, 2008), IV Всероссийской научной конференции финно-угроведов «Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации» (Ханты-Мансийск, 2009), Всероссийской научной конференции с международным участием «Финно-угры – славяне – тюрки: опыт взаимодействия (традиции и новации)» (Ижевск, 2009), XXI Международной финно-угорской студенческой конференции IFUSCO (Ижевск, 2005), Международной научно-практической конференции «Национальные языки России: Региональный аспект» (Пермь, 2005), XII Международном симпозиуме «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Ижевск, 2008). Отдельные материалы исследования увидели свет в различных научных журналах и сборниках статей. По теме диссертации опубликовано 14 научных работ, в том числе две статьи – в изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка условных сокращений, списка использованной литературы и источников, списка информантов и двух приложений, представляющих собой алфавитный указатель этимологизированных

слов и графические изображения транспортных средств с обозначением их составных частей. Общий объем исследования составляет 205 страниц.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первом разделе введения обосновывается актуальность темы, формулируются цели и задачи исследования, указываются источники, на основе которых написана диссертация, раскрываются научная новизна и практическая значимость работы, определяются основные положения, выносимые на защиту.

Во втором разделе введения освещается история изучения лексики конного транспорта в удмуртском языкознании, также приводится обзор лексикографических источников, в которых нашла отражение лексика анализируемой отрасли, начиная с момента первой фиксации удмуртских слов в ранних письменных памятниках по настоящее время.

Первая глава «Лексико-семантические группы лексики конного транспорта в удмуртском языке», состоящая из 5 разделов, посвящена описанию обозначенной тематической группы и систематизации входящих в нее наименований. В зависимости от лексического значения, под которым мы понимаем содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении и т. д., слова классифицированы по лексико-семантическим группам и подгруппам.

В составе лексики конного транспорта в удмуртском языке нами выделены пять основных семантических групп:

1. **Наименования гужевого транспорта** занимают достаточно значимое место в лексической системе анализируемой отрасли (315 назв. – 53,3 %). Они служат для обозначения средств передвижения, в которых в качестве тяговой силы используется лошадь. Данная лексико-семантическая группа в зависимости от конструктивных особенностей обозначаемых объектов нами подразделяется на три подгруппы:

а) волоковые транспортные средства, где приведены наименования волокуши и некоторых ее видов (всего 5 назв.);

б) полозовые транспортные средства, где рассматриваются общие названия саней и их разновидностей (всего 52 назв.);

в) колесные транспортные средства, где приведены общие наименования телеги и ее отдельных видов (всего 80 назв.).

Внутри двух последних указанных подгрупп отдельно рассматриваются названия их деталей: наименования деталей полозовых (45 назв.) и колесных (133 назв.) транспортных средств.

2. **Наименования предметов конской сбруи** составляют значительный пласт лексики конного транспорта (213 назв. – 36,04 %). Они служат для номинации приспособлений, предметов для запряжки или седлания лошади.

В первом подразделе рассматриваются общие наименования сбруи, упряжи (11 назв.). Далее лексика снаряжения коня по функциональному значению обозначаемых реалий подразделяется на три подгруппы:

а) наименования общих принадлежностей снаряжения верхового и упряжного коня, где рассматриваются названия узды и ее составных частей, а также наименования недоуздки, подковы, стреноги, попоны, подшейника, кнута (всего 74 назв.);

б) наименования принадлежностей снаряжения упряжного коня, где приведены названия хомута, седелки, дуги и их составных частей, а также наименования подбрюшника, чересседельника, шлеи, вожжей, оглобли, дышла, валька, постромок (всего 95 назв.);

в) наименования принадлежностей снаряжения верхового коня, где рассматриваются названия седла и его составных частей, а также наименования чепрака, шпоры (всего 33 назв.).

3. **Наименования типов запряжки** составляют самую малочисленную часть в системе лексики анализируемой сферы (19 назв. – 3,22 %). Они служат для обозначения различных способов присоединения лошади (лошадей) к экипажу. В работе рассмотрены 4 вида запряжки: одиночная, дышловая, цуг и тройка.

4. **Наименования лошади в упряжке** занимают незначительное место в словарном составе, связанном с конным транспортом (21 назв. – 3,55 %). В данном подразделе приводятся наименования упряжной, коренной, пристяжной лошади.

5. **Наименования общих понятий, связанных с верховой ездой**, также составляют одну из малочисленных групп в системе удмуртской коннотранспортной лексики (23 назв. – 3,89 %). Рассмотрены названия, служащие для обозначения следующих понятий: верхом, верховая лошадь, всадник.

Таким образом, лексика конного транспорта в удмуртском языке представляет собой целостную систему, которая имеет постоянное количество объектов номинации и предназначенный для их обозначения конкретный состав лексических единиц. Вся совокупность лексики

анализируемой отрасли, использующейся в литературном языке и в удмуртских говорах, относится к 171 объекту номинации, для обозначения которых употребляется 591 номинативная единица.

В ходе лексико-семантического анализа установлено, что лексика конного транспорта в своей основе является общенародной. Все важнейшие понятия выражаются словами, общими для удмуртских говоров и литературного языка. Кроме того, названия анализируемой отрасли имеют многочисленные диалектные варианты, которые составляют синонимические ряды.

Одна и та же реалия – основа номинативного значения – может выражаться несколькими формами. Наибольшее количество наименований зафиксировано для объекта номинации «ось (телеги)» (18 форм обозначений): в литературном языке в данном значении используются лексемы *черс*, *черспыри*, *тйнгыли*, *кечер*, сочетания слов *уробо черс*, *уробо черспыри*, *уробо дйнгыли*, *уробо кёр*, *ваменну*; в лексикографических источниках отмечены формы *зу*, *уробо зу*, которые в современном удмуртском языке уже не используются; в словарях зафиксированы диалектные наименования *мумпу*, *лоськан*; в говорах удмуртского языка нами выявлены также названия *кёр* (южнУТ), *с'улмос* (южнСС), *питран с'улмос* (южнСС), *кол'оса чэрс* (средГ, средТ), *ос'* (севК, севСК, севТы; средГ, средНМ; южнУТ, южнШК).

Значительное расхождение в обозначении одного и того же объекта объясняется тем, что в основу номинации могут быть положены разные мотивирующие признаки. Часто отдельные слова из синонимического ряда бывают заимствованными из других языков, которые употребляются наряду с собственно удмуртскими названиями, например: *тйнгыли* < булг., ср.: чув. *тёнёл* 'ось'; *кечер* < тат. *кучэр* 'ось (телеги)'; *ос'* диал. < рус. *ось* и др.

Источниками образования синонимов являются и диалектные слова. В анализируемой лексике различаются диалектизмы фонетические и лексические. Многие названия, используемые в литературном языке, в удмуртских говорах в зависимости от их особенностей используются в несколько ином фонетическом оформлении: *вайыж* ~ *вайъж* ~ *вайъш* ~ *вайыж* ~ *вайыж* ~ *йайыж* ~ *йайъж* 'оглобля' и др. Лексические диалектизмы, в свою очередь, подразделяются на: а) диалектизмы-синонимы, соответствующие литературным словам: *йарандакэн дд'ы* сред. 'розвальни' – лит. *бурдодд'ы*; *с'ийэс завод*, *с'ийэс котыр* сев., *с'изс товар* сред. 'сбруа' – лит. *сиес тйрлык* и др.; б) семантические диалектизмы, имеющие иное, чем в литературном языке, значе-

ние: *ас'пал кол'оса*, *аз' кол'оса* сев. 'передок (телеги)' – лит. 'переднее колесо'; *шаача* сред. 'волокуша' – лит. 'прут; длинный шест' и др.

Для отдельных названий анализируемой отрасли характерна многозначность, например: *с'эдло кал* сред. 1) 'путлище', 2) 'подпруга (седла)'; *пл'эт'онка* сред. 1) 'кошевка', 2) 'большой плетеный короб, посаженный на сани' и др. Основанием для подобного обобщения служит какой-нибудь сходный признак.

Вторая глава «Историко-генетические пласты лексики конного транспорта в удмуртском языке» посвящена этимологическому анализу лексики указанной отрасли.

Словарный состав, связанный с конным транспортом, в удмуртском языке складывался в течение многих веков под воздействием различных факторов и состоит из слов исконного и иноязычного происхождения.

В первом разделе данной главы приводится исконно удмуртская лексика, которая подразделяется на несколько пластов, восходящих к разным эпохам развития языка: финно-пермский, пермский, собственно удмуртский.

1. К финно-пермскому периоду (конец III – середина II тыс. до н. э.) восходят 4 удмуртские лексемы: *зу* диал. 'ось (телеги)' | к. за 'стебель', 'стержень', 'ось' || мар. *шуд'ыр* 'ось (у телеги)', 'стебель' < фп. **sete* 'соединять, связать', 'связь'; *нурт* 'сани' | к. *норт* 'нарты' || морд. *нурдо* 'сани' < фп. **norta* 'сани'; *сермет* 'узда' | кз. *сермод*, кп. *сермот* 'тж.' || мар. *шормыч* 'тж.' < фп. **sermVtti* 'узда'; *сиес* 'хомут' | к. *сийос* 'тж.' || мордЭ. *сивекс* 'хомут', марВ. *s'üs'*. Большинство из указанных лексических единиц в удмуртском языке сохранились без семантических изменений. Только в слове *зу* произошло сужение лексического значения.

Представляется, что наличие данных терминов свидетельствует об использовании в финно-пермский период гужевого полозового транспорта. На основании этого предположения можно сделать вывод об исконном характере упряжного коневодства у удмуртского народа, истоки которого уходят в III–II тыс. до н. э.

2. Пермский пласт лексики конного транспорта в удмуртском языке представлен значительно шире. В ходе исследования нами выявлено 11 лексем общепермского происхождения, 8 из которых в удмуртском и коми языках имеют единое значение, обозначая понятия рассматриваемой отрасли: *ворзем* ~ *борзем* диал. 'всадник, верховой' | кз. *верзьома* 'тж.'; *ворземен* ~ *борземен* диал. 'верхом' | к. *верзьомён*

‘тж.’; *дöды* ‘сани’ | к. *додь* ‘тж.’; *зезь* ‘повод (узды)’ | к. *резь* иж. уд. ‘тж.’; *сьöлыт* ‘стренога, пути’ | кп. *сьöвт* ‘тж.’; *сьöлтэт* ‘стренога, пути’ | кп. *сьöвтöт* ‘тж.’; *сюл* ‘полоз (саней)’ | к. *сюв* ‘тж.’ и др. Семантика 3 лексических параллелей в современных пермских языках не совпадает: *лайкан* ‘рессора’, диал. ‘дрога’ | к. *лайкан* ‘гибкий шест’ < оп. **lajkan* ‘гибкий шест’; *тус* ‘грядки (саней, телеги); нащепы (на-клеска) (саней)’, диал. ‘дрога’ | к. *тас* ‘поперечина’, ‘деревянный засов (для дверей)’, ‘палка’ < оп. **täsk-* ‘поперечина, перекладина’; *учыс* ‘клещи, клешни (хомута)’ | к. *ушыс* диал. ‘рогатка, деревянный ошейник’ < оп. **uĉis* ‘рогатка, ярмо’. В коми языках сохранились более архаичные значения указанных слов.

В ходе исследования нами выявлено также 11 сложных названий в удмуртском языке, у которых имеются типологически точные соответствия в коми языках: *дöды ныр* ‘передок саней; козлы (облучок)’ | к. *додь ныр* ‘тж.’; *пу дöды* ‘дровни’ | кз. *пу додь* ‘тж.’; *сиес пу* ‘клещи, клешни (хомута)’ | кз. *сийöс пу* ‘тж.’; *сиес-сермет* ‘сбруя’ | кп. *сийöс-сермöt* ‘тж.’ и др. Но в данном случае трудно определить, являются ли указанные наименования пермским наследием, или они возникли уже в период самостоятельного развития пермских языков на базе лексики общепермского происхождения.

3. Собственно удмуртский пласт лексики конного транспорта охватывает значительное количество лексических единиц. Данный слой образовался в период отдельного существования удмуртского языка при помощи внутренних словообразовательных средств на базе лексики, унаследованной от предыдущих периодов, в отдельных случаях с привлечением лексических единиц иноязычного происхождения. Некоторая часть производных названий создана с помощью суффиксов от исконных и заимствованных корней: *гурнэс* ‘подбородник’ (*гур-* < фп. **kerz* ‘горло, глотка’ + *-нэс* – аффикс); *кыткет* ‘упряжь’ (*кытк-* < фу. **kitke-* (*kütke-*) ‘привязывать, связывать’ + *-эт* – аффикс); *питран* ~ *птыран* ‘колесо’, сред. ‘ступица (колеса)’ (*питра-*, *птыра-* < булг., ср.: чув. *пётёр* ‘крутить, вить, свивать’ + *-н* – аффикс) и др. Большинство собственно удмуртских наименований являются сложными образованиями, составляющие компоненты которых восходят к разным хронологическим периодам. С точки зрения происхождения интерес представляют сложные слова, обозначающие предметы конской сбруи, первые компоненты которых утратили свои самостоятельные значения: *биньгозы* ‘вожжи’ (*бинь-* < фу. **riiŋa* ‘? виток, витой, крученный; вить’ + *гозы* ‘веревка’); *удоркыскон*, *удыркыскон* диал.

‘супонь’ (*удор*, *удыр* < фу. **omte* ‘(грудная, брюшная) полость’, *-р* – суффикс; *кыскон* – суц. от глаг. *кыскыны* ‘тянуть, подтянуть’) и др.

Во втором разделе данной главы анализируется заимствованный пласт лексики конного транспорта в удмуртском языке. Слова иноязычного происхождения сгруппированы по языкам-источникам.

В результате хозяйственно-культурных связей удмуртов с соседними народами в удмуртский язык проникло множество заимствованных лексем либо вместе с новыми понятиями, либо для обозначения уже существующих предметов и явлений. В развитии лексики конного транспорта в удмуртском языке прослеживается влияние индоиранских, тюркских (булгарского, татарского) и русского языков.

1. К наиболее древним заимствованиям относятся лексемы индоиранского происхождения, освоенные еще в периоды существования финно-пермской и общепермской языковых общностей, о чем свидетельствует наличие этих слов и в других родственных языках. Как известно, иранские племена на протяжении длительного времени были южными соседями финно-угров. Контактное взаимодействие этих разноязычных народов оставило следы в языке в виде многочисленных лексических заимствований. В анализируемой лексике выявлено 3 слова индоиранского происхождения: *вайыж* ‘оглобля’ < фп. **ajša* ‘дышло’ < ии.; *вуг* ~ *вугы* ‘обод (колеса)’ < фп. **wanĵka-* ‘ручка; крюк, дужка’ < ии.; *урыс* ‘плеть, нагайка, бич’ < оп. **ors* ‘бич, кнут’ < ии. Все они используются в литературном языке и в различных фонетических вариантах широко распространены в говорах удмуртского языка.

2. Возникновение булгарского пласта лексических заимствований связано с приходом на территорию Волго-Камья, где проживали пермские народы, тюркоязычных племен булгар (VII–XIII вв. н. э.). В результате исторически сложившихся контактов удмуртский язык испытал сильное влияние со стороны языка своих соседей. В лексике исследуемой отрасли выявлено 11 слов булгарского происхождения, которые представлены в лексико-семантических группах наименований предметов конской сбруи (*буко* ‘дуга’, *сюло* ‘кнут’, *турто* диал. ‘оглобля; дышло с поперечным брусом’, *уйыл* ‘подпруга; подбрюшник’, *энер* ‘седло’, *энерчак* ‘седелка’ и др.), колесного гужевого транспорта (*тйнгыли* ‘ось (телеги)’, ‘колесо’, *уробо* ‘телега’), деталей полозовых транспортных средств (*куромо* ‘вязок (копылье саней)’). Из них наиболее ранними заимствованиями являются лексемы *турто* и *энер*, имеющие соответствия в коми языках.

Основываясь на лингвистические данные, предполагаем, что болгарские племена оказали существенное влияние на зарождение гужевого колесного транспорта и на технологии снаряжения упряжного и верхового коня.

Некоторые болгаризмы широко распространены во всех диалектах удмуртского языка и функционируют в литературном языке, например: *буко* 'дуга', *уробо* 'телега', *энер* 'седло'. Другие бытуют в отдельных говорах, например: *уйыл* 'подпруга, подбрюшник' функционирует в севернoudмуртских говорах; *энерчак* 'седелка' – в южноудмуртских и срединных говорах. Болгарские заимствования в удмуртском языке претерпели фонетические изменения, лексические значения слов сохраняются.

3. Определенное воздействие на развитие словарного состава анализируемой отрасли оказал и татарский язык, интенсивное влияние которого началось в период установления в пределах Волго-Камья политического господства Казанского ханства (XIII–XVI вв.). В ходе исследования выявлено 12 татаризмов, обозначающих принадлежности конской сбруи: *ачама* 'деревянная часть седелки', сред. 'седелка', *бугол* ~ *бугоу* диал. 'путы (для лошади)', *быркенчи* 'чепрак', *дага* 'подкова', *нюкто* 'недоуздок', *тубылгы* диал. 'плетка, плетть, нагайка', *тэльбуго* 'вожжи', *узени* диал. 'стремя', *яби* диал. 'попона', *ябынчи* 'попона' и др. В наименованиях гужевых транспортных средств и их деталей обнаружено 11 лексем татарского происхождения: *арача* южн. 'грядка (саней)'; нащепы (наклеска) (саней)', *кечер* 'ось (телеги)', *киндык* южн. 'шкворень (телеги)', *көкрак* 'подушка (телеги)', *суэри* 'волокуша', южн. 'дрога', *тугым* 'обод (колеса)', 'поперечные дуги, соединяющие грядки телеги', *юлдырга* 'двуколка' и др.

Для большинства татаризмов имеются параллельные исконные названия, которые обозначают те же самые предметы, что и лексика иноязычного происхождения. Татарские заимствования получили широкое распространение в говорах южного наречия удмуртского языка, носители которых и в настоящее время находятся в тесном контакте с татарским населением. Некоторые из вышеприведенных татаризмов употребляются в удмуртском литературном языке, например: *дага* 'подкова', *нюкто* 'недоуздок', *тэльбуго* 'вожжи', *суэри* 'волокуша'.

Татарские заимствования подверглись различным фонетическим изменениям. Вместе с тем, прослеживаются также и изменения лексического значения некоторых слов, например: *ачама* 'деревянная часть седелки', сред. 'седелка' < тат. диал. *ачама* 'стропило'. В удмуртском

языке происходит развитие семантики заимствованного слова следующим образом: стропило → деревянная часть седелки (на основе сходства формы) → седелка.

4. Удмуртское население в течение многих веков находилось в тесных культурно-бытовых связях с русскими, в результате чего в удмуртский язык проникло множество русизмов. Заимствования из русского языка в большом количестве представлены во всех лексико-семантических группах лексики конного транспорта (всего выявлено 100 слов русского происхождения): *валёк* 'валек', *постромка* диал. 'постромки', *чепрак* 'чепрак', *шиля* 'шлея', *шпора* 'шпора', *кошовка* 'кошевка, выездные сани', *тарантас* 'тарантас', *тачанка* сев. 'двухколесная телега для езды', *кирасла* 'отвод (саней)', *рессора* 'рессора', *тяж* 'тяж', *шина* 'шина (колеса)' и др.

Судя по лингвистическим данным, удмурты восприняли от русских отдельные предметы конской сбруи (например, шлею, постромки) и более совершенные формы гужевого транспорта. Этот процесс сопровождался проникновением и утверждением в удмуртском языке некоторых русских терминов. С усовершенствованием гужевых транспортных средств в удмуртский язык вошли отдельные наименования их деталей русского происхождения. Распространение некоторых новых типов запряжки (пароконная и русская тройка) также связано с русским влиянием. Но следует отметить, что в лексике рассматриваемой отрасли в удмуртском языке встречаются заимствованные слова, не обусловленные необходимостью назвать новые предметы или понятия. Многие из выявленных нами русизмов сосуществуют в языке с собственно удмуртскими словами и сочетаниями слов, образованных на базе лексики исконного происхождения, которые выражают аналогичные понятия, и входят с ними в синонимические отношения, например: *подкол* // *дурет* 'подкова', *супонь* // *мылазькыскет* 'супонь' и др. Анализируемый материал показывает, что русские заимствования получили широкое распространение в диалектах удмуртского языка, особенно в северных и срединных говорах. Русизмы в удмуртском языке часто употребляются в несколько измененном фонетическом варианте. Однако поздние русские заимствования не имеют заметных отклонений в фонетическом облике.

Таким образом, формирование и развитие лексики конного транспорта в удмуртском языке идет с древнейших времен, о чем свидетельствует наличие лексем финно-пермского происхождения. Постепенно она пополняется собственно удмуртскими словами и обогащается за счет заимствований.

В третьей главе «Структурно-словообразовательный анализ лексики конного транспорта в удмуртском языке» рассматриваются способы образования и структурные особенности удмуртских названий, обозначающих понятия анализируемой отрасли.

В первом разделе данной главы раскрываются закономерности формирования словарного состава, связанного с конным транспортом, в удмуртском языке при помощи собственных словообразовательных средств. В ходе исследования нами выявлено, что в образовании лексики анализируемой отрасли участвуют следующие способы словообразования: морфологический, лексико-синтаксический, морфолого-синтаксический, лексико-семантический.

1. Морфологический способ представляет собой образование новых слов на базе имеющихся в языке основ и словообразовательных аффиксов. В лексике рассматриваемой отрасли данный тип словообразования представлен лишь суффиксацией. В зависимости от основы производного слова суффиксальные названия являются отглагольными и отыменными образованиями: 1) отглагольные названия: *дурем*, *дурет* 'подкова' (< *дурьны* 'ковать, подковать' + *-ем*, *-ет*), *кортнэт* 'удила' (< *кортнаны* 'обуздать' + *-эт*), *кыткет*, *кыткон* 'упряжь; запряжка' (< *кыткыны* 'запрягать' + *-ет*, *-он*) и др.; 2) отыменные названия: *борзэмчи* 'всадник, верховой' (< *борзэм* 'всадник, верховой' + *-чи*), *сюлмас*, *сюлмос* 'хомутина' (*сюлм-* < *сюлэм* 'сердце' + *-ас*, *-ос*). Данный способ словообразования в лексике конного транспорта в удмуртском языке непродуктивен.

2. Лексико-синтаксический способ словообразования осуществляется путем слияния в одно целое компонентов словосочетания с сохранением порядка слов и без изменения морфемного состава. В лексике рассматриваемой отрасли при помощи словосложения образовано подавляющее большинство наименований, например: *вайыжскал* 'завертка' (*вайыж* 'оглобля' + *кал* 'шнур, завязка'), *кабдодды* 'кошевка, выездные сани' (*каб* 'рогожа' + *додды* 'сани'), *корткечер* диал. 'тарантас' (*корт* 'железо' + *кечер* 'ось (телеги)'), *кортуробо* 'тарантас' (*корт* 'железо' + *уробо* 'телега'), *көтулкыскет* 'подбрюшник; подпруга' (*көтул* 'низ живота' + *кыскет* 'подтяжка'), *курокчог* 'шкворень (телеги)' (*курок* 'шкворень (телеги)' + *чог* 'кол, колышек'), *мумпу* 'ось (телеги)' (*мум* < *мумы* 'мать' + *пу* 'дерево'), *мылазьгозы* 'супонь' (*мылазь* 'грудь' + *гозы* 'веревка'), *пыдкорт* 'подкова' (*пыд* 'нога' + *корт* 'железо'), *пыдлэгет* 'стремя; дужка стремени' (*пыд* 'нога' + *лэгет* 'подножка'), *серметкорт* 'удила' (*сермет* 'узда' + *корт* 'железо') и др. Данный тип

словообразования в удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, является самым продуктивным.

3. Морфолого-синтаксический способ словообразования представляет собой образование новых слов в результате перехода слов из одной части речи в другую. Одной из разновидностей данного типа образования слов является субстантивация. В анализируемой лексике нами выявлены субстантивированные прилагательные и причастия: *бэжырэс* сев. 'двуколка' (< прил. 'накрененный, наклонный'), *тыгыл'ас'* пю. 'колесо' (< прич. 'катящийся'). Субстантивация прилагательных наблюдается и в некоторых словах русского происхождения, например: *возовой* сред. 'телега с глубоким кузовом, предназначенная для хозяйственных работ', *разва-л'ной* южн. 'розвальни' и др. В образовании лексики конного транспорта в удмуртском языке данный способ наименее употребителен.

4. Лексико-семантический способ словообразования осуществляется путем развития новых значений у имеющихся в языке единиц. В образовании лексики рассматриваемой отрасли наиболее продуктивными средствами являются метафора и метонимия. Метафорическим способом, в соответствии с которым перенос названия с одного предмета (явления действительности) на другой осуществляется на основе сходства внешних признаков, образованы следующие наименования: *бурд* 'отвод (саней)' < 'крыло', *йыр* 'ступица (колеса)' < 'голова', *көкы* 'кузов (короб) телеги' < 'зыбка, люлька (из луба)', *ныр* 'передок (телеги, саней); козлы (облучок)' < 'нос', *пинь* 'спица (колеса); копыл (саней)' < 'зуб', *пыд* 'спица (колеса); копыл (саней)' < 'нога', *шача* 'волокуша' < 'прут; длинный шест' и др. Метонимический перенос может осуществляться 1) с материала на изделие из него, например: *гын* 'войлок' > 'потник (седла, седелки); подхомутник', *сурон* 'кожа' > 'наглазник, шоры; кожаная обшивка хомута' и др.; 2) с части тела лошади, на которую приходится детали сбруи, на название конской сбруи, например: *гурул* 'подбородок' > 'подбородник, подбородный ремень', *көтул* 'низ живота' > 'подбрюшник; подпруга' и др.; 3) с части на целое, например: *корткечер*, *корткечыр* 'железная ось' > 'тарантас'; *лаббурд*, *лапэбурд*, *ульнбурд* 'низкий отвод (саней)' > 'розвальни с низкими отводами'; перенос наименования с части на целое, являющийся частным случаем метонимии, называется синекдохой.

Во втором разделе данной главы дана структурная характеристика лексики конного транспорта в удмуртском языке. По словообразовательной структуре названия указанной отрасли представлены

простыми (190 назв. – 32,15 %) и сложными (401 назв. – 67,85 %) конструкциями.

I. В зависимости от наличия словообразовательных аффиксов простые названия подразделяются на простые непроезводимые (корневые) (169 назв. – 28,60 %) и простые производные (суффиксальные) (21 назв. – 3,55 %).

1. Простые непроезводимые названия характеризуются с точки зрения современного состояния языка морфологической нечленностью, связь с реалией не мотивирована: *дӱдӱы* ‘сани’, *зезь* ‘повод (узды)’, *зу* ‘ось (телеги)’, *нурт* ‘сани’, *сермет* ‘узда’, *сиес* ‘хомут’, *сьӱлыт* ‘стренога, пути’, *уӱыс* ‘клещи, клешни (хомута)’ и др. К данной группе слов в удмуртском языке относятся также заимствования: *вайыж* ‘оглобля’, *буко* ‘дуга’, *уробо* ‘телега’, *энер* ‘седло’, *дага* ‘подкова’, *кечер* ‘ось (телеги)’, *тэльбуго* ‘вожжи’, *кирасла* ‘отвод (саней)’, *кошовка* ‘кошевка, выездные сани’, *курок* ‘шкворень (телеги)’, *ӱаж* ‘тяж’, *шиля* ‘шляя’ и др.

2. Простые производные названия образованы путем присоединения к непроезводимой (корневой) основе словопроизводных аффиксов. С помощью суффиксов слова, относящиеся к рассматриваемым нами семантическим группам, образуются как от глагольных, так и от именных основ.

В образовании отглагольных названий используются суффиксы:

-*эт* (-*ет*): *кортнэт* ‘удила’ < *кортнаны* ‘обуздать’ и др.;

-*эм* (-*ем*): *дурем* ‘подкова’ < *дурыны* ‘ковать, подковать’;

-*он* (-*ён*), -*н*: *питыран* ‘колесо’ < *питыраны* ‘катиться; вертеться, крутиться’) и др.

Отыменные названия образованы при помощи суффиксов:

-*ас*: *сюлмас* ‘хомутина’ < *сюлэм* ‘сердце’;

-*ос*: *сюлмос* ‘хомутина; ось (телеги)’ < *сюлэм* ‘сердце’;

-*чи*: *борӱемчи* ‘всадник, верховой’ < *борӱем* ‘всадник, верховой’.

II. В лексике конного транспорта в удмуртском языке наиболее часто встречаются сложные названия, образованные на основе словосложения.

В начале данного подраздела нами рассмотрены основные принципы, способствующие разграничению сложных слов от словосочетаний. Данная проблема в удмуртском языкознании до сих пор окончательно не решена. Трудность возникает в связи с тем, что словосложение в удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, в большинстве случаев осуществляется путем простого сложения ком-

понентов, которые в отдельности представляют собой самостоятельные слова и при сложении не претерпевают никаких фонетических и морфологических изменений. Именно поэтому и в лексике конного транспорта ввиду неразработанности терминологии очень трудно определить, где проходит грань между сложным словом и словосочетанием. По этой причине наблюдается отсутствие единообразия в орфографическом изображении лексики анализируемых групп в лексикографических источниках.

По характеру синтаксических отношений компонентов в удмуртском языке выделяются два типа сложных названий: 1) с сочинительными отношениями компонентов (6 назв. – 1,01 %); 2) с подчинительными отношениями компонентов (395 назв. – 66,84 %). Тип подчинения одного компонента другому является наиболее распространенным.

1. Сложные названия сочинительного типа представляют собой соединение корневых слов, где оба компонента равноправны, грамматически независимы. В рамках данного структурного типа выделяются двухкомпонентные собирательные названия: *сиес-буко* ‘упряжь’ (букв. ‘хомут-дуга’), *сиес-сермет* ‘сбруя’ (букв. ‘хомут-узда’) и др. Данные названия образованы по структурной модели «имя существительное + имя существительное». В лексике конного транспорта данный способ образования слов непродуктивен.

2. В сложных названиях подчинительного типа выделяются синтаксически главные и зависимые элементы. В зависимости от количества составляющих их компонентов они представлены двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентными единицами. Наиболее часто встречаются двухкомпонентные конструкции.

2.1. Двухкомпонентные названия (324 назв. – 54,82 %)

В отдельную группу выделяем сложные слова, первый компонент которых в современном удмуртском языке самостоятельно не употребляется (6 назв. – 1,01 %), например: *биньгозы* ‘вожжи’ (*гозы* ‘веревка’), *сюргозы* ‘чересседельник’ (*гозы* ‘веревка’) и др.

В зависимости от принадлежности компонентов к той или иной части речи выделяются следующие структурные модели:

1) «имя существительное + имя существительное» (262 назв. – 44,33 %):

В данную группу входит подавляющее большинство названий, связанных с конным транспортом, в удмуртском языке. Наиболее распространенным словообразовательным типом является присоединение существительного в основной форме к другому существительному.

Определительная часть субстантивных сложных названий обозначает:

а) целое части: главный компонент выражает какую-либо часть предмета, зависимый – предмет целиком (*энер е* ‘подпруга (седла)’ < *энер* ‘седло’, *е* ‘ремень’); главный компонент представляет собой метафорическое наименование каких-либо частей предмета по схожести ее внешних признаков с частями тела человека или животных (птиц) (*дöды пинь* ‘копыл (саней)’ < *дöды* ‘сани’, *пинь* ‘зуб’) или с другими объектами реальной действительности (*уробо көкы* ‘кузов (короб) телеги’ < *уробо* ‘телега’, *көкы* ‘зыбка, люлька (из луба)’); главный компонент обозначает материал изготовления называемой части предмета (*сиес пу* ‘клещи, клешни (хомута)’ < *сиес* ‘хомут’, *пу* ‘дерево’); б) часть целого: главный компонент выражает предмет целиком, зависимый – часть данного предмета (*кирасла дöды* ‘розвальни’ < *кирасла* ‘отводы (саней)’, *дöды* ‘сани’); в) обладателя предмета, обозначенного вторым компонентом (*вал шобрет* ‘попона’ < *вал* ‘лошадь’, *шобрет* ‘одеяло, покрывало’); г) часть тела лошади, на которую приходится часть сбруи (*көтул* ‘подбрюшник; подпруга’ < *көт* ‘живот, брюхо’, *ул* ‘низ, нижняя часть’); д) материал, из которого сделан или состоит предмет, обозначенный вторым компонентом (*кортуробо* ‘тарантас’ < *корт* ‘железо’, *уробо* ‘телега’); е) назначение предмета, обозначенного вторым компонентом (*кыткон тйрлык* ‘упряжь’ < *кыткон* – сущ. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’, *тйрлык* ‘инвентарь; вещи’); ж) место изготовления предмета, обозначенного вторым компонентом (*камбарка уробо* ‘тяжелые телеги с плоским кузовом для хозяйственных работ (изготовленные в Камбарке)’ < *камбарка* ‘город Камбарка’, *уробо* ‘телега’); з) объект действия, обозначенного вторым компонентом (*валбичатон* ‘шпора’ < *вал* ‘лошадь’, *бичатон* – сущ. от глаг. *бичатыны* ‘щекотать’); и) характерный признак (свойство) предмета (*дзець ййраскөнъ робо* ‘качетка, каретка’ (*дзець ййраскөнъ* – сущ. от глаг. *ййраскыны* ‘качаться’, *робо* ‘телега’); к) видовое понятие, главный – родовое (*тарантас уробо* ‘тарантас’ < *тарантас* ‘тарантас’, *уробо* ‘телега’); л) место расположения предмета, обозначенного вторым компонентом (*аз’чог* ‘шкворень (телеги)’ < *аз’* ‘перед, передняя часть’, *чог* ‘кол, колышек’); м) предмет, с которым соединяется или к которому прикреплен называемый предмет (*вайыжскал* ‘завертка’ < *вайыж* ‘оглобля’, *скал* ‘шнур, завязка’).

2) «имя существительное + имя прилагательное» (1 назв. – 0,17 %): *корт питрэс* ‘металлический круг на подушке телеги’ (*корт* ‘железо’, *питрэс* ‘круглый; круг’ – субстантивированное прилагательное);

3) «имя существительное + причастие» (2 назв. – 0,34 %): *ворзем ветлйсь* ‘всадник, верховой’ (*ворзем* ‘всадник, верховой’ + *-ен* – суффикс творительного падежа, *ветлйсь* – субстантивированное причастие от глаг. *ветлыны* ‘ходить, ездить’);

4) «имя существительное + послелог» (1 назв. – 0,17 %): *вал вылын* ‘верхом’ (*вал* ‘лошадь’, *вылын* ‘на’);

5) «имя прилагательное + имя существительное» (38 назв. – 6,43 %):

а) атрибут выражен качественным прилагательным, которое обозначает признаки предметов по их размеру (*кузь уробо* ‘дрюги’ < *кузь* ‘длинный’, *уробо* ‘телега’), по тяжести (*капчи уробо* ‘тарантас’ < *капчи* ‘легкий’, *уробо* ‘телега’), по форме (*бекырес уробо* ‘двуколка’ < *бекырес* ‘накрененный, наклонный’, *уробо* ‘телега’), по расположению в пространстве (*ваменпу* ‘ось (телеги)’ < *вамен* ‘поперечный’, *пу* ‘дерево’); б) атрибут выражен относительным прилагательным, которое выражает признаки предметов по обладанию чем-либо (*куродöды* ‘розвальни’ < *кур* ‘луб’ + *-о* – суффикс обладания, *дöды* ‘сани’), по отсутствию чего-либо (*кортнэттэм сермет* ‘недоуздок’ < *кортнэт* ‘удила’ + *-тэм* – суффикс, *сермет* ‘узда’), по назначению (*возовой дöды* ‘розвальни’ < *возовой* ‘возовой’, *дöды* ‘сани’);

б) «имя прилагательное + имя прилагательное» (2 назв. – 0,34 %): *лапэбурдо* ‘розвальни с низкими отводами’ (*лапэг* ‘низкий’, *бурдо* ‘крыло; отвод (саней)’ + *-о* – суффикс обладания);

7) «причастие + имя существительное» (6 назв. – 1,01 %): *лэйкатйсь уробо* ‘телега на рессорах’ (*лэйкатйсь* – прич. от глаг. *лэйкатыны* ‘качать’, *уробо* ‘телега’);

8) «наречие + имя существительное» (5 назв. – 0,85 %): *вълнбурдо* ‘розвальни с высокими отводами’ (*вълн* ‘высоко; высокий’ – адъективированное наречие, *бурдо* ‘крыло; отвод (саней)’);

9) «имя числительное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *одигэн кыткон* ‘одиночная запряжка’ (*одиг* ‘один’ + *-эн* – суффикс творительного падежа, *кыткон* – сущ. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’).

2.2. Трехкомпонентные названия (65 назв. – 11 %)

1) «имя существительное + имя существительное + имя существительное» (35 назв. – 5,92 %): *дöды сюл дурет* ‘подрез’ (*дöды* ‘сани’, *сюл* ‘полоз’, *дурет* ‘подкова’);

2) «имя существительное + причастие + имя существительное» (3 назв. – 0,51 %): *рогожнаэн вурем дöды* ‘кошева’ (*рогожна* ‘рогожа’ + *-эн* – суффикс творительного падежа, *вурем* – прич. от глаг. *вурены* ‘шить’, *дöды* ‘сани’);

3) «имя существительное + послелог + имя существительное» (2 назв. – 0,34 %): *турто куспысь вал* ‘коренник’ (*турто* ‘дышло’, *куспысь* ‘с, из, из-под; между’, *вал* ‘лошадь’);

4) «имя существительное + послелог + причастие» (3 назв. – 0,51 %): *вал вылын ветлйсь* ‘всадник, верховой’ (*вал* ‘лошадь’, *вылын* ‘на’, *ветлйсь* – субстантивированное причастие от глаг. *ветлыны* ‘ездить’);

5) «имя прилагательное + имя существительное + имя существительное» (5 назв. – 0,85 %): *жсужьт бурд дөд’ь* ‘розвальни с высокими отводами’ (*жсужьт* ‘высокий’, *бурд* ‘крыло; отвод (*саней*)’, *дөд’ь* ‘сани’);

6) «имя прилагательное + имя существительное + послелог» (1 назв. – 0,17 %): *буш вал вьльн* ‘верхом’ (*буш* ‘пустой; свободный’, *вал* ‘лошадь’, *вьльн* ‘на’);

7) «имя прилагательное + имя прилагательное + имя существительное» (5 назв. – 0,85 %): *лапэг бурдо дөд’ь* ‘розвальни с низкими отводами’ (*лапэг* ‘низкий’, *бурд* ‘крыло; отвод (*саней*)’ + *-о* – суффикс обладания, *дөд’ь* ‘сани’);

8) «имя прилагательное + послелог + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *коренной борды кыткем* ‘пристяжка’ (*коренной* ‘коренник’ – субстантивированное прилагательное, *борды* ‘к’, *кыткем* – сущ. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’);

9) «наречие + имя существительное + имя существительное» (2 назв. – 0,34 %): *ульн бурд дөд’ь* ‘розвальни с низкими отводами’ (*ульн* ‘низко; низкий’ – адъективированное наречие, *бурд* ‘крыло; отвод (*саней*)’, *дөд’ь* ‘сани’);

10) «наречие + имя прилагательное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *вьльн бурдо дөд’ь* ‘розвальни с высокими отводами’ (*вьльн* ‘высоко; высокий’ – адъективированное наречие, *бурд* ‘крыло; отвод (*саней*)’ + *-о* – суффикс обладания, *дөд’ь* ‘сани’);

11) «наречие + причастие + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *артэ кыткем вал* ‘пристяжная лошадь’ (*артэ* ‘рядом’, *кыткем* – прич. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’, *вал* ‘лошадь’);

12) «причастие + имя существительное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *порем дөд’ь сюл* ‘копанные полозья (*а не гнутые*)’ (*порем* – прич. от глаг. *порыны* ‘выкорчевать, вырвать с корнем’, *дөд’ь* ‘сани’, *сюл* ‘полоз’);

13) «имя числительное + имя существительное + имя существительное» (3 назв. – 0,51 %): *кык колёсаен уробо* ‘двуколка’ (*кык* ‘два’, *колёса* ‘колесо’ + *-ен* – суффикс творительного падежа, *уробо* ‘телега’);

14) «имя числительное + имя прилагательное + имя существительное» (2 назв. – 0,34 %): *кык погыляно уробо* ‘двуколка’ (*кык* ‘два’, *погылян* ‘колесо’ + *-о* – суффикс обладания, *уробо* ‘телега’).

2.3. Четырехкомпонентные названия (5 назв. – 0,85 %)

1) «имя существительное + имя существительное + имя существительное + имя существительное» (2 назв. – 0,34 %): *дөд’ь бер йыразь пу* ‘спинка (*саней*)’ (*дөд’ь* ‘сани’, *бер* ‘зад, задняя часть’, *йыразь* ‘изголовье’, *пу* ‘дерево’);

2) «имя существительное + имя существительное + имя прилагательное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *куное ветлон пичи дөд’ь* ‘выездные сани, по своему устройству напоминающие розвальни меньших размеров’ (*куно* ‘гость’ + *-е* – суффикс входного падежа, *ветлон* – сущ. от глаг. *ветлыны* ‘ездить’, *пичи* ‘маленький’, *дөд’ь* ‘сани’);

3) «имя прилагательное + послелог + причастие + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *коренной борды кыткем вал* ‘пристяжная лошадь’ (*коренной* ‘коренник’ – субстантивированное прилагательное, *борды* ‘к’, *кыткем* – прич. от глаг. *кыткыны* ‘запрягать’, *вал* ‘лошадь’);

4) «причастие + имя существительное + отглагольное существительное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *кулэм мурт ватон уробо* ‘дроги (*похоронные*)’ (*кулэм* – прич. от глаг. *кулыны* ‘умереть’, *мурт* ‘человек’, *ватон* – сущ. от глаг. *ватыны* ‘похоронить’, *уробо* ‘телега’).

2.4. Пятикомпонентные названия (1 назв. – 0,17 %)

1) «имя числительное + имя числительное + глагол + имя числительное + имя существительное» (1 назв. – 0,17 %): *кыкен-кыкен кыткыны куать вал* ‘цуг’ (*кык* ‘два’ + *-эн* – суффикс творительного падежа, *кыткыны* ‘запрягать’, *куать* ‘шесть’, *вал* ‘лошадь’).

Таким образом, в ходе исследования установлено 28 структурных типов сложных названий, из них наиболее продуктивными являются модели «имя существительное + имя существительное», «имя существительное + имя прилагательное».

В заключении излагаются основные положения и выводы исследования.

Диссертация имеет два приложения в виде алфавитного указателя этимологизированных слов и графических изображений конных транспортных средств с обозначением их составных частей.

Основные положения диссертации нашли отражение в следующих публикациях автора:

Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Титова, О. В. О наименованиях гужевого транспорта в южно-удмуртских говорах / О. В. Титова // Вестник Чувашского университета. 2008. – № 3. – С. 186–190.

2. Титова, О. В. О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в южно-удмуртских говорах / О. В. Титова // Вопросы филологии. Серия «Урало-алтайские исследования». – М., 2009. – № 1 / УА (1). – С. 96–99.

Публикации в других научных изданиях:

3. Титова, О. В. Названия телег и саней в удмуртском языке / О. В. Титова // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов. – Сыктывкар, 2005. – С. 203–205.

4. Титова, О. В. Терминология снаряжения упряжного коня в пермских языках / О. В. Титова // Национальные языки России: Региональный аспект. К 50-летию коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного педагогического университета: Материалы международной научно-практической конференции (20–21 октября 2005 г., Пермь) / Отв. ред. А. С. Лобанова; Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2005. – С. 197–200.

5. Титова, О. В. О названиях деталей телег в удмуртском языке / О. В. Титова // Русский Север и восточные финно-угры: Проблемы пространственно-временного фольклорного диалога: Материалы I Межрегиональной конференции и VII Международной школы молодого фольклориста. Ижевск, 23–26 октября 2005 г. / Отв. ред. В. М. Гацак, Т. Г. Владыкина. – Ижевск, 2006. – С. 385–390.

6. Титова, О. В. О названиях некоторых видов наземных транспортных средств в удмуртском языке / О. В. Титова // Финно-угристика 7: актуальные вопросы восточных финно-угорских языков: Материалы Международной научной конференции «Актуальные вопросы восточных финно-угорских языков», посвящ. 80-летию проф. Цыганкина Д. В. (г. Саранск, 25–27 окт. 2005). – Саранск, 2007. – С. 299–302.

7. Титова, О. В. О названиях гужевого транспорта (на материале севернoudмуртских говоров) / О. В. Титова // Пермистика XII: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Материалы XII Международного симпозиума (21–22 октября 2008 г.,

Ижевск) / Отв. ред. А. Ф. Шутов; Удм. гос. ун-т / Удм. ин-т ИЯЛ УрО РАН. – Ижевск, 2008. – С. 329–334.

8. Титова, О. В. Основные принципы номинации лексики гужевого транспорта в удмуртском языке / О. В. Титова // Материалы докладов I Всероссийской молодежной научной конференции «Молодежь и наука на Севере» (в 3-х томах). Том II. (Сыктывкар, Республика Коми, 14–18 апреля 2008 г.). – Сыктывкар, 2008. – С. 92–93.

9. Титова, О. В. Терминология снаряжения верхового и упряжного коня в удмуртском языке / О. В. Титова // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: Лингвистика: V часть / Мар. гос. ун-т. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 304–310.

10. Титова, О. В. О наименованиях принадлежностей снаряжения верхового коня в говорах удмуртского языка / О. В. Титова // Пермистика 10: Вопросы пермской и финно-угорской филологии: Материалы X Международного симпозиума «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (24–25 марта 2004 г., Ижевск) / Удм. гос. ун-т. – Ижевск: Изд-во «Удм. ун-т», 2009. – С. 359–364.

11. Титова, О. В. О наименованиях принадлежностей снаряжения упряжного коня в севернoudмуртских говорах / О. В. Титова // Языки и культура финно-угорских народов в условиях глобализации: Материалы IV Всероссийской конференции финно-угроведов. – Ханты-Мансийск, 2009. – С. 143–145.

12. Титова, О. В. О наименованиях гужевого транспорта в пермских языках / О. В. Титова // Congressus XI. Internationalis Fenno-Ugristarum. – Piliscsaba, 2010. – Pars II. Summaria acroasium in sectionibus. – С. 153–154.